

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

Г О Р С К И Й

МАРИОНЕТКА

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский

Марионетка

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Марионетка / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2019 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-09043-0

Максим Подгорный, владелец крупного медиахолдинга, обязан своим положением чиновнику из окружения президента. Приходит время платить по счетам – речь идет о серьезном компромате на основного соперника своего покровителя, который Макс должен «слить» в разгар предвыборной гонки. Подгорному претит роль марионетки, которого сильные мира сего дергают за ниточки, но убийство, в котором Максим оказывается единственным подозреваемым, ставит под угрозу не только его положение, но и жизнь! И Макс обращается к следователю Реваеву – единственному человеку, который способен спасти его в ситуации, кажущейся безнадежной.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09043-0

© Горский А. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Александр Горский

Марионетка

© А. В. Горский, 2021

© «Центрполиграф», 2021

* * *

Подгорный лениво потягивал виски. Конечно, пить сегодня он начал рановато, но как не выпить перед вылетом. Макс всегда недолюбливал самолеты, и принять на грудь в аэропорту было уже давно устоявшейся традицией. Пустой бокал с тихим стуком коснулся столешницы. Подгорный лениво перебирал лежащие рядом с ним журналы. Русская версия «Форбс», англоязычные Newsweek и TIME. А вот и ярко-оранжевый логотип МБК. «Медиа Бизнес Консалтинг». Самый популярный деловой журнал на русском языке. Его журнал. Макс залюбовался обложкой последнего номера. Это была третья обложка с тех пор, как он стал владельцем медиахолдинга, и вторая, которую он утверждал лично.

С того дня, как он принял предложение Фролова о покупке медиахолдинга МБК, прошло чуть больше месяца. Звонок заместителя главы президентской администрации застал Подгорного на пути домой, в родной Среднегорск. А неожиданное предложение заставило Макса без долгих раздумий развернуть автомобиль и направить его обратно в столицу. Туда, где свет солнца ночью сменялся огнями небоскребов. Туда, где немногие избранные решали судьбы всех остальных. Туда, куда стремились попасть десятки и сотни тысяч тех, кто почему-то наивно думал, что сможет пробиться там, где пытаются пробиться все остальные.

Подгорному не надо было куда пробиваться. Когда-то это сделал его отец, успевший побывать и губернатором родной Среднегорской области, а впоследствии и сенатором от нее же. Как это принято у чиновников такого ранга, он оставил сыну весьма впечатляющее наследство, включавшее в себя два торговых центра, завод металлоконструкций и региональную медиакомпанию. Не роял-флеш, конечно, но вполне себе неплохое каре, полагал сам Макс, любивший скоротать вечерок за партией в покер.

Его попытка покинуть тихое и уютное провинциальное болото, в котором он был если и не самой крупной, то уж точно самой громко квакающей лягушкой, обернулась сокрушительным разочарованием. Уезжая в Москву полным надежд и оптимизма, спустя несколько месяцев Подгорный возвращался, успев разрушить не только свои надежды, но и свою семью. Возможно, это и было одной из причин того, что он так быстро согласился с неожиданной идеей Фролова.

Вернувшись в столицу уже ближе к вечеру, Макс еще больше часа добирался по пробкам до здания Администрации на Старой площади. С трудом найдя место для парковки, он сделал звонок Фролову и устало откинулся на спинку сиденья. Почти весь день он провел за рулем и, как результат, вернулся почти туда же, откуда выезжал ранним утром. Кряканье спецсигнала вывело Подгорного из состояния дремы. Перед ним, перекрыв движение, в соседнем ряду остановился черный мерседес с номерными знаками, украшенными известной каждому москвичу серией АМР и синим проблесковым маячком на крыше. Обе правые дверцы автомобиля распахнулись одновременно, однако охранник успел выскочить все же чуть быстрее своего подопечного. Петр Михайлович был, как всегда, подтянут и элегантен. Уже почти машинально Макс бросил взгляд на его ботинки. Они безупречно сияли в лучах заходящего за крыши домов солнца.

Подгорный тоже поспешил было выйти из машины, но не успел он открыть дверцу, как Фролов махнул ему рукой и крикнул, чтобы он оставался на месте. Макс удивленно наблюдал, как Петр Михайлович дал короткие указания охраннику, а затем двинулся к «гелендвагену».

– Рад видеть. – Фролов устроился на переднем пассажирском сиденье и крепко пожал Макс руку. – Едем за «мерседесом» вплотную. Главное, не отставай от него, чтоб никто не вклинился. По дороге все и обсудим.

Черный матовый «гелендваген» неотрывно следовал за представительским «мерседесом», не обращая никакого внимания ни на дорожные знаки, ни на разметку. Как и всегда вечером, потоки транспорта холестериновыми бляшками намертво запечатывали ряды движения, ведущие на выезд из города. Несколько раз небольшой кортеж выезжал на встречную полосу, пару раз Макс услышал кряканье спецсигналов впереди идущего «мерседеса». Подгорный, поначалу немного нервничавший и опасавшийся того, что в случае резкого торможения головной машины не успеет остановиться, затем расслабился и получал ни с чем не сравнимое удовольствие от стремительного передвижения по вяло ползущим улицам вечернего города.

– Правду говорят, в Москве не важно, сколько твоя машина стоит, важно, есть ли на ней мигалка. – Решительно побрякивая, лимузин проехал перекресток на загорающийся красный, Подгорный уверенно последовал за ним.

– Так говорят? – усмехнулся Фролов. – С учетом пробок, возможно, так и есть. Кстати, раз уж речь зашла о машинах, то дам вам, Максим, дружеский совет. Вы позволите?

– Само собой, – поспешил согласиться Подгорный.

– Вот мы сейчас едем за моей машиной, – рассуждал Петр Михайлович, – скажите, Максим, как, по-вашему, со стороны это выглядит?

Подгорный не успел ничего ответить, как Фролов продолжил:

– Выглядит это так, что идет персональная машина, а сзади машина сопровождения. Охрана. Понимаете? Это неправильно. Так не должно быть. Я бы вам порекомендовал для города приобрести более гражданский автомобиль, что-нибудь поэлегантнее. А то, знаете ли, у нас на таких рэперы ездят да эти, как их... – Фролов наморщился, – отбивные.

– «Отбивные»? Кто это? – удивился Подгорный.

– Точнее отбитые, – объяснил Петр Михайлович, – это я так всех этих бойцов отмороженных называю, которые в клетках друг друга лупят. Их хлебом не корми, но чтоб машина пострашнее была.

– Мы люди простые, провинция. – Подгорный немного обиделся за свой автомобиль.

– Не скромничайте. – Спускающееся все ниже солнце осветило лицо Фролова, и он опустил козырек на лобовом стекле. – Это вовсе не обязательный совет, так что если эта машина вам так нравится, то пожалуйста. На самом деле это все мелочи, давайте я вам вкратце расскажу суть моего предложения.

Два «мерседеса» пролетели над Кольцевой автодорогой и устремились прочь из города по Новорижскому шоссе. Спустя пятнадцать минут они уже въезжали в ворота загородного гольф-клуба. Потягивая холодное пиво, Макс внимательно слушал разъяснения Фролова о схеме финансирования предстоящей сделки, а также о тех обязательствах, которые он, Подгорный, будет должен на себя взять, соглашаясь на эту сделку. Красный шар солнца опустился точно в отведенную ему лунку и скрылся из виду. Открытая терраса и окружающая территория осветились десятками, если не сотнями, огней. Залетевший под свод шатра гигантский мотылек описывал круг за кругом то вокруг одного из светильников, то другого. Наконец, выбрав своего фаворита, он устремился к нему и с силой ударился о стекло плафона. Сбившись с ритма, насекомое некоторое время беспорядочно перемещалось в воздухе, а затем предприняло вторую попытку сближения с источником своей страсти. Она оказалась еще более неудачной, чем первая. Мотылька отбросило в сторону, и он чуть было не рухнул на поднос проходившему мимо официанту. Однако в последний момент, усиленно работая крылышками, он

смог удержаться в воздухе и вновь набрать высоту. Описав еще один круг вокруг источника света, мотылек сделал то, на что способно не каждое существо, мнящее себя разумным, а уж тем более безмозглое насекомое. Он улетел. Поднырнул под полог шатра и через мгновение уже растворился в сгущающихся сумерках.

Объявили посадку на рейс. Макса ждал «боинг», ждала пересадка в Мюнхене, ждал Рабат. Оказавшись в транзитной зоне мюнхенского аэропорта, Подгорный зарегистрировался на рейс до столицы Марокко. Немного посидев в баре и глотнув ирландского виски, Макс вновь направился к стойкам регистрации.

Посадка на борт, вылетающий в Рабат, заканчивалась. Все пассажиры уже прошли через выдвижной рукав, соединяющий здание аэровокзала и фюзеляж авиалайнера. Прислонившись к широкой стальной колонне и скрестив на груди руки, Макс с усмешкой наблюдал за невысоким краснолицым крепышом, растерянно стоявшим у стойки контроля. Крепыш судорожно сжимал в руке посадочный талон и, казалось, совсем не слышал убеждавших его пройти на рейс сотрудников аэропорта. Широко расставив ноги и чуть наклонив вперед голову на толстой и такой же красной, как и лицо, шее, мужчина пристально смотрел на улыбающегося Макса, но, в отличие от него, был вовсе не склонен к проявлению положительных эмоций.

Дверь, ведущая к выходу на рейс, закрылась. Поняв, что Подгорный в Рабат лететь не намерен, крепыш извлек из кармана мобильный и, дозвонившись до неизвестного Максусебе-седника, принялся что-то оживленно объяснять. При этом лицо его еще больше покраснело, и даже с расстояния более двадцати метров Подгорный видел, как на лбу мужчины выступили капли пота. Макс отвернулся. Все вышло именно так, как и должно было случиться. Подгорный поправил на плече ремень дорожной сумки, в которой у него лежал ноутбук, и неторопливо направился к выходу, ведущему на точно такой же трап, соединяющий точно с таким же «боингом», как и тот, что вот-вот должен был вылететь в Марокко. Вся разница была лишь в светящихся буквах на электронном табло. GATE 58. REYKJAVIK.

Небо над Исландией было затянуто непроницаемой серой пеленой, растянувшейся на десятки километров. «Боинг» мягко коснулся этой пелены, точно попробовал ее на вкус, а затем, словно крылатая подводная лодка, погрузился в серую бездну. В иллюминатор смотреть не было смысла, все равно увидеть что-либо не было никакой возможности, разве что свое собственное испуганное отражение. Подгорный сунул в рот леденец и закрыл глаза. Самолет начал немного подрагивать, Макс вцепился в ручку кресла и разжал пальцы, а заодно и веки только тогда, когда лайнер, несильно подпрыгнув последний раз, покатился по посадочной полосе аэропорта Кефлавик.

Пройдя контроль, Подгорный вышел в зал прилета и почти сразу в толпе встречающих заметил человека, держащего в руках лист бумаги с его фамилией. Встречавший Подгорного молодой человек походил на ирландца, во всяком случае, в представлении самого Макса. Он был невысокого роста, с рыжеватыми, чуть выющимися волосами и небольшой аккуратно стриженной бородкой. По лицу молодого человека, во всяком случае, той его части, которая не была скрыта растительностью, были хаотично разбросаны веснушки, отчего оно выглядело достаточно забавно. Возможно, молодой человек это понимал и именно поэтому сам смотрел на окружающих с легкой улыбкой, которая, как и его чуть прищуренные голубые глаза, казалось, говорила: «Ну да, я забавный. Можете мне улыбнуться. Мне это нравится».

– Леон, – представился он Подгорному, неожиданно крепко пожимая протянутую ему ладонь, – вообще-то я Лёня, но у местных с «ё» все плохо, так что который год как Леон. Привык уже, даже нравится стало.

Багажа у Макса не было. Его чемодан, набитый старой одеждой, которую он собрал в отцовской квартире, улетел в Марокко. Леонид протянул руку, намереваясь забрать у Макса дорожную сумку.

– Вы гость, – сразу предупредил он все возможные возражения и, на всякий случай уточнив, сдавал ли Макс еще что-то в багаж, стремительно двинулся к выходу из здания аэровокзала.

Холодный, пробирающий до костей ветер заставил Подгорного пожалеть, что, вылетая из Москвы в тридцатиградусную жару, он не взял с собой даже легкую ветровку, которая сейчас пришлась бы весьма кстати.

– Машина совсем рядом, – Леон явно понял, что прибывший из Москвы гость замерз в ту же секунду, как вышел на парковку, – там утеплитесь.

И действительно, два ярко-синих «дискавери» стояли буквально в пятидесяти метрах от выхода из здания аэровокзала. Леон открыл дверцу багажника, извлек из него оранжевую непродуваемую куртку с капюшоном.

– Держите. У нас в июне совсем не жарко. Ветра. Здесь еще теплые брюки и ботинки. Лучше переодеться прямо сейчас, чтобы потом не терять время.

Пока Макс переодевался на заднем сиденье автомобиля, Леонид и вышедшие из второго «лендровера» двое мужчин внимательно осматривали стремительно пустеющую парковку. Такси и машины встречающих одна за другой покидали территорию аэропорта. Следующий рейс ожидался только через два часа. Не заметив ничего подозрительного, Леон недовольно покачал головой. Он был уверен: лучше, когда опасность видна, тогда ее проще предотвратить. Ведь именно в этом и заключалась его работа. Работа эта была отнюдь не простой, однако Леон ни за что в жизни не согласился бы променять ее на что-то другое. Ведь молодой человек с веселым веснушчатым лицом и наивными голубыми глазами уже пятый год работал личным помощником у одного из самых богатых людей Европы Аркадия Шлеменко.

Шлеменко, родившийся в Днепропетровске, был сыном партийного функционера, когда-то успевшего поработать вместе с Брежневым в те далекие годы, когда тот возглавлял местный обком партии. И хотя отец Аркадия в силу каких-то неизвестных сыну причин не поднялся по карьерной лестнице выше областного уровня, однако нужные знакомства сумел сохранить, о чем свидетельствовали многочисленные фотографии, как правило сделанные на охоте, где он стоял рядом с самым генеральным секретарем. Одну из таких фотографий Аркадий, которому пару лет назад перевалило за шестьдесят, всегда возил с собой и считал своим талисманом. На старом черно-белом снимке, улыбаясь, стояли трое. Слева добродушно посмеивался тот, чьи фотографии украшали все кабинеты самых разнообразных учреждений огромной страны. Только на фотографии вместо строгого костюма и многочисленных звезд героя на Леониде Ильиче был свитер толстой вязки с высоким горлом и украшенная сосновой веткой тирольская шляпа. Справа, тоже улыбаясь, прямо в объектив смотрел Борис Аркадьевич Шлеменко. Отец Аркадия, подняв руки, демонстрировал фотографу двух свежеподстреленных зайцев. По центру фотографии, точнее в силу своего малого роста чуть ниже его, гордо расположился мальчуган лет восьми. Гордость пацана была вполне очевидна, но объяснялась она отнюдь не близостью к могущественному генсеку. Нет, это совсем не интересовало маленького Аркашу. Гордость его объяснялась тем, что на фотографии он позировал, сжимая в руках великолепную винтовку с оптическим прицелом, из которой совсем недавно ему довелось сделать выстрел. На самом деле стрелял дядя Леня. У восьмилетнего мальчугана еще не хватало силенок, чтобы самому сделать выстрел. Однако палец его лежал на спусковом крючке, а то, что на этот палец давил еще чей-то другой, было совсем не важно. Гораздо важнее было то, что после выстрела Аркаша на пару минут оглох на правое ухо, чем был несказанно доволен. Еще больше он был бы доволен, если бы приклад упирался в его собственное, а не дяди Ленино плечо. Мальчишка очень хотел почувствовать, что же это такое – таинственная отдача, о которой ему так много рассказывали. Но и без этого он был доволен. Доволен этим прекрасным солнечным днем, своим выстрелом, тем, что все вокруг смеются, а дядя Леня иногда дружески похлопывает отца по плечу.

Стоит ли говорить, что перед обладателем подобной фотографии в Советском Союзе были распахнуты все двери? К чести Аркадия надо признать, что, кроме уникального фото, он обладал быстрым, восприимчивым умом и великолепной памятью, особенно на лица и на числа. Все это в совокупности в конце концов привело Аркадия в мир очень больших чисел, которыми измерялись его банковские счета в крупнейших банках мира, а заодно в мир тех лиц, точнее сказать, персон, которых везде именовали не иначе, как Very Important Person. Очень важная персона. Аркадий Шлеменко, как никто другой, заслуживал подобного обращения. Именно ради встречи с этой важной персоной и прилетел в Исландию Подгорный.

Всего три дня назад Макс сидел в своем кабинете на сорок втором этаже одного из небоскребов «Москва-Сити» и обсуждал с редакторами телеканала новую концепцию вечернего новостного блока, когда неожиданный звонок Фролова заставил его прервать оживленную дискуссию. Фролов, обычно четко выражавший свои мысли, на этот раз повел разговор довольно странно. Он долго расспрашивал Подгорного о нюансах редакционной политики, поинтересовался, не собирается ли Макс привлечь к работе в Москве кого-нибудь из своей команды, работающей в его медиакомпании в Среднегорске. Разговор блуждал явно окольными путями, не ведя ни к какой цели. Макс, которого терпеливо ждали остальные участники совещания, взглянул на часы. Они проговорили уже больше десяти минут, но цель звонка высокопоставленного чиновника и участника начинающейся предвыборной гонки так и оставалась непонятна. Создавалось впечатление, что Фролову нужно сказать что-то достаточно важное, но он не уверен в том, что это говорить стоит.

– Ну хорошо, Максим, я рад, что вы уже освоились, – подытожил Петр Михайлович, – с кадрами, я так понимаю, у вас проблем нет. – Он сделал небольшую паузу. – Но я буду очень вам признателен, если вы посмотрите одного молодого человека. Сын моего старого приятеля. Мальчик достаточно толковый, поверьте мне. Буду рад, если он вам окажется полезен.

Подгорный удивился. Такой долгий разговор только ради того, чтобы пристроить в холдинг своего протеже.

– Нет проблем, Петр Михайлович, пусть сегодня и подъезжает. – Подгорный, перешедший на время разговора в кабинет, уже намеревался вернуться в конференц-зал.

– Замечательно, Максим, замечательно, – обрадовался Фролов, – послушайте его, посмотрите резюме, а там уже сами решите, подходит он вам или нет. Я на вас давить не собираюсь. Кстати, видел последний номер журнала. Отличная работа, скажу я вам.

– Спасибо, Петр Михайлович. – Макс толкнул дверь и вошел в просторную комнату, в которой уже откровенно скучали его сотрудники.

Протеже Фролова объявился уже к концу рабочего дня. Худощавый молодой человек лет двадцати пяти, в очках, застенчиво улыбаясь, протянул Подгорному несколько листов бумаги, заполненных отпечатанным на принтере текстом.

– Посмотрите, пожалуйста, резюме, Максим Сергеевич, там все подробно отражено. – Молодой человек немного запинаясь от смущения.

Подгорный был несколько удивлен. Он был уверен, что молодые отпрыски возможных друзей Фролова не знают, что такое смущение. На мгновение он вспомнил Наташу и нахмурился. Интересно, был ли этот молодой человек знаком с погибшей дочерью Петра Михайловича?

– Вы мне, может быть, сами о себе что-то расскажете, – Макс бросил листы на стол, – резюме я всегда прочитаеть успею.

– Вы знаете, Максим Сергеевич, – молодой человек начал заикаться еще сильнее, – я немного косноязычен. – Он заметил удивление на лице Подгорного и добавил: – В устной речи, зато пишу хорошо. Вы посмотрите, пожалуйста, я надеюсь, вас заинтересуют мои способности.

«Вот почему Фролов так долго хороводы водил, – понял Макс, – это же надо, в редакцию косноязычного прислать!» Он раздраженно придвинул к себе резюме. Через мгновение глаза его расширились от удивления.

– Вы прочитайте целиком, пожалуйста. – Молодой человек придвинул к Максусу еще один листок бумаги, на котором фломастером было написано: «Вслух никаких вопросов».

Макс задумчиво потер подбородок. Все оказалось не так просто, как он ожидал. Отложив в сторону прочитанные листы, он внимательно разглядывал «протеже» Фролова.

– Возможно, у вас будут какие-то вопросы. – Молодой человек положил перед Подгорным шариковую ручку и рукой изобразил некое подобие волны, обозначающее, что вопросы по существу надо задавать в письменном виде.

– Знаете, в целом мне все понятно, – Макс осторожно подбирал слова, – резюме достаточно подробное. Ну а ваши рекомендации говорят сами за себя. Я думаю, у нас с вами все получится.

– Я тоже на это очень надеюсь, – молодой человек улыбнулся, – дядя Петя рад будет. А когда надо приступать?

– Приступать? – недоуменно переспросил Подгорный.

– Если можно со следующего месяца, было бы просто замечательно, – пришел ему на выручку молодой человек, – у нас с девушкой путевки на море куплены, в Турцию.

Молодой человек покраснел. Очевидно, ему было стыдно, что он едет в Турцию, а не в Крым.

– Хорошо, – мгновенно согласился Подгорный, – давайте так и поступим. Как только вернетесь с отдыха – добро пожаловать в редакцию.

Молодой человек кивнул и, прощаясь, протянул руку. Но в то мгновение, когда Макс собирался пожать его ладонь, визитер неожиданно отдернул руку и поднес к губам указательный палец. После этого, быстрым движением пожав все еще протянутую ладонь, он молча вышел из кабинета Подгорного. Макс медленно опустился в кресло и принялся перечитывать лежащие перед ним листы бумаги. Итак, Фролов хочет, чтобы он полетел в Исландию. Ну что же, в Исландии он еще не был.

* * *

Два синих «дискавери» выехали с территории аэропорта. Куда именно они едут, Макс не знал, но спрашивать не стал, полагая, что все вскоре узнает. Впереди показалась развилка. Налево дорога уходила на сам городок Кефлавик; если продолжать движение прямо, то через сорок километров можно было достигнуть Рейкьявика. Неожиданно следующий вторым «дискавери» затормозил и, развернувшись поперек дороги, перекрыл движение. Леон до упора выжал педаль газа, и головная машина, тяжело набирая скорость, устремилась по направлению к столице Исландии.

– Я не думаю, что со мной кто-то мог прилететь, – обернувшись, Макс провожал взглядом стоящий поперек дороги автомобиль, – уже никто не успел бы купить билеты.

– Прилететь – нет, – Леон выжимал из «лендровеера» все, на что был способен тяжелый автомобиль, – встречать – да. Если у них здесь есть свои люди, то достаточно было одного звонка в Рейкьявик.

– У них – это у кого? – полюбопытствовал Подгорный.

Леон пожал плечами.

– Сейчас это не так важно. Кто бы это ни был, они не должны вас проследить. Выходим, быстро. – Он резко затормозил, и Макса с силой качнуло вперед. Он еле успел выставить перед собой руку.

Из стоящего на обочине белого «вольво» выскочили два человека, один из которых был в точно такой же, как у Подгорного, оранжевой куртке. Макс и Леон запрыгнули в салон «вольво». Двигатель машины не был заглушен, и через мгновение белый автомобиль уже рванул с места. Вслед за ним продолжил свой путь и синий «дискавери». Через несколько километров Леон свернул влево, на Вогар, «лендрровер», не сбавляя скорости, промчался прямо. Проскочив несколько десятков аккуратных белых двухэтажных домиков с красными крышами, «вольво» выскочил прямо к небольшой пристани. Леон выпрыгнул из машины и устремился вниз по металлической лестнице, противно дребезжавшей при каждом его шаге. Подгорный держался сзади не отставая.

Они побежали по деревянному пирсу, возле которого покачивались на волнах десятки рыбацких лодок и несколько суденышек побольше. В конце пирса какой-то бородач приветственно замахал им рукой. Подбежав к этому человеку, Леон обменялся с ним парой коротких фраз, отдал ему ключи от «вольво» и, обернувшись к Макс, приглашающе взмахнул рукой:

– Прошу на борт.

Не раздумывая, Макс ступил на покачивающиеся сходни и через мгновение уже был на борту небольшого бело-желтого катера. Следом легко запрыгнул Леон. Еще через мгновение сходни были убраны, а катер, оставляя за собой белый бурлящий след, устремился в открытое море.

– Если надо, у меня есть таблетки от укачивания.

Казалось, что Леон подготовлен ко всем возможным неприятностям. Макс отрицательно покачал головой.

– Хорошо, – Леон одобрительно улыбнулся, – нам минут двадцать хода, а там пересядем в другую лодку. Побольше.

То, что Леон с усмешкой назвал лодкой побольше, Макс увидел уже минут через пять, когда их катер обогнул выдающийся далеко в море каменистый мыс. Элегантная белая капля все больше вырастала в размерах по мере их приближения, не теряя при этом своей легкости и изящества. «MOBIUS», – вслух прочитал Макс название, украшающее нос океанской суперяхты. Он знал, что когда-то Шлеменко окончил механико-математический факультет МГУ. Очевидно, любовь к математике сыграла свою роль и в выборе названия для любимого детища миллиардера.

Судя по всему, их приближение не осталось незамеченным. К удивлению Подгорного, борт яхты начал раскрываться, словно створки гигантского моллюска, готового принять песчинку в свое чрево. Леон вместе с управлявшим катером и все время молчавшим мужчиной быстро закрепили металлические тросы к специальным креплениям на носу и корме катера. Тросы натянулись, послышалось жужжание мотора лебедки. Как только катер оказался внутри огромной яхты, борт начал медленно закрываться.

Леон взглянул на часы.

– Мы прибыли строго по графику, это очень хорошо. Сейчас вам покажут вашу каюту. Вы сможете принять душ и немного отдохнуть. Если планы не изменятся, то ровно через два часа я зайду за вами и провожу к хозяину.

Слово «хозяин» Леон произнес настолько обыденно, что Макс понял, в том мире, куда он только что попал, действительно есть только один хозяин и только его планы здесь имеют значение.

– И вот еще что, – добродушно улыбнулся Леон, – на время визита сдайте мне все имеющееся у вас электронное оборудование.

Предоставленная Подгорному просторная каюта была оформлена в современном лаконичном стиле, все шкафы были встроенные, причем дверцы, не имевшие ручек, открывались нажатием, поэтому возникало ощущение, что находишься в комнате без мебели, три стены которой укрыты панелями из темного дерева со вставками из полированного алюминия. За

одной из панелей скрывалась компактная душевая. Огромный телевизор был включен на музыкальном канале. Макс пощелкал пультом, пару минут посмотрел новости, передаваемые Блумберг, и затем вновь переключил на MTV, где транслировали старый, двадцатилетней давности концерт Мадонны в Лондоне.

Papa don't preach, I'm in trouble deep
Papa don't preach, I've been losing sleep

Макс сбросил одежду на пол, прибавил громкость телевизора и отправился в душевую, старательно фальшивя:

But I made up my mind, I'm keeping my baby, oh
I'm gonna keep my baby, mmm...

Как оказалось, акустика, подключенная к телевизору, была выведена и в душевую, так что немного подмерзший на холодном морском ветру Подгорный отогревался под струями горячей воды, не переставая подпевать старым хитам Мадонны.

Выйдя из душа, Макс включил чайник и вскоре уже сидел в кресле, потягивая горячий кофе и листая свежий выпуск британской «Дейли мейл». Допив кофе и почувствовав себя достаточно комфортно, Макс решил получше осмотреться. Он методично один за другим открыл все шкафчики, обнаружив в одном из них коллекцию водолазок разных цветов, несколько пар брюк разного покроя, пару клубных пиджаков и три куртки, разной степени утепленности. Все это богатство дополнялось несколькими парами обуви, начиная от обычных кроссовок и заканчивая черными лакированными туфлями. То, что одежда была именно его размера, было очевидно. Макс поднял высокий туристический ботинок. Сорок третий размер. Интересно, Шлеменко предполагает, что его гость захочет задержаться на яхте? Или этого может захотеть сам хозяин, а мнение гостя вообще никого не интересует? Для однодневного визита, на который был настроен Подгорный, одежды было явно многовато. Впрочем, это изобилие легко можно было объяснить широтой души и глубиной кошелька гостеприимного хозяина.

Открыв прикроватную тумбочку, Макс присвистнул. Несколько пачек презервативов разных размеров, две упаковки виагры, тубик геля-лубриканта и баллончик аэрозоля со стимулирующим спреем. «Только наручников не хватает», – пробормотал Макс, но, открыв вторую тумбочку, понял, что ошибся. Наручники были самым безобидным из ее содержимого.

– На этой свадьбе главное не оказаться невестой. – Макс с силой захлопнул тумбочку. Поездка явно обещала сюрпризы.

Леон появился, как и обещал, ровно через два часа. Он вежливо постучал в дверь. А когда Макс крикнул, что не заперто, появился на пороге, излучая доброжелательность каждой из своих многочисленных веснушек.

– Надеюсь, вы успели отдохнуть?

Протокольный вопрос явно не предполагал разнообразных вариантов ответа, поэтому Макс ограничился лишь кивком.

– Хозяин будет рад видеть вас на палубе через десять минут. Наверху достаточно прохладно, рекомендую надеть куртку. Я буду ожидать в коридоре. – Леон сделал шаг назад и бесшумно притворил за собой дверь.

Макс выбрал себе темно-серую водолазку, бежевые брюки, коричневую замшевую куртку NORDHERO и точно такого же цвета замшевые ботинки этого же производителя. Он подошел к зеркалу и подмигнул своему отражению. У зеркала лежали три пары солнцезащитных очков. Макс немного подумал и выбрал авиаторы.

Как только Макс поднялся на палубу, ударивший ему в лицо холодный ветер заставил его пожалеть о том, что он не решил надеть пусть не такой модный, но гораздо более теплый пуховик.

– Максим, рад вас видеть!

Полный энтузиазма голос послышался откуда-то сзади, и Макс обернулся. Шлеменко был примерно одного роста с Подгорным и так же широк в плечах. Для человека, которому уже стукнуло шестьдесят, он выглядел великолепно. Его светло-русые, чуть выющиеся волосы касались широких плеч, золотистый загар идеально ровно покрывал мощную шею и лицо с выдающимся вперед тяжелым подбородком. Пронзительно-зеленые, с хитрым прищуром глаза пристально смотрели на гостя, словно собираясь проникнуть внутрь его черепной коробки. Макс машинально, словно защищаясь, коснулся левой рукой солнцезащитных очков и протянул правую для рукопожатия. Шлеменко тут же стиснул ее стальной хваткой. И по своему виду, и по манерам он напоминал Подгорному дикого хищника, льва, уверенного в своей силе и способного растерзать любого, кто осмелится поставить эту силу под сомнение.

– Рад с вами познакомиться, Аркадий Борисович. – Макс, улыбаясь, выдержал рукопожатие миллиардера.

– Аркадий, просто Аркадий, – улыбнулся Шлеменко, я так давно живу в Европе, что отчество уже не лезет в мои обгорелые уши. Здесь свежо, так что прошу в беседку.

Беседкой Шлеменко назвал просторную, остекленную с двух сторон конструкцию, третьей стороной примыкающую к рубке. Когда Макс вошел в нее вслед за хозяином яхты, то понял, почему Шлеменко был одет всего лишь в тонкий белый свитер и такие же белые холщовые брюки. Встроенные в потолок инфракрасные обогреватели равномерно мягким теплом пронизывали все помещение. Макс потянул вниз молнию на куртке. Шлеменко заметил это и довольно рассмеялся.

– Да, хорошо сконструировали. Вроде как на свежем воздухе сидишь, но тепло. Сейчас мы повернем на закат, и вы получите вид на миллион долларов. Хотя надо сказать, мне он обошелся гораздо дороже. – Шлеменко захохотал и хлопнул по стеклянной перегородке. – Коньяк, виски?

– Думаю, коньяк лучше подходит к закату, – Макс уселся в предложенное ему кресло.

– Пожалуй, соглашусь с вашим выбором. – Шлеменко щелкнул пальцами.

Одетый во все белое, невысокий молодой человек, судя по виду, уроженец Юго-Восточной Азии, до этого неподвижно стоявший у барной стойки, мгновенно извлек откуда-то бутылку «Мартеля» и фужеры.

– Будем знакомы! – Шлеменко сделал глоток и с удовольствием причмокнул губами. – Итак, Петр затеял большую игру. Хочет выше головы прыгнуть?

Подгорный, не зная, что ответить, неопределенно пожал плечами.

– Можете не отвечать. Тут и так все понятно, – пренебрежительно махнул рукой Шлеменко, – мое личное мнение, что не по Сеньке шапка. Кажется, так говорят у нас в России? – Он сделал еще один глоток и с хитрым прищуром уставился на Подгорного. – Я уже начинаю забывать русские поговорки.

– Говорят, конечно, так. – Макс немного помедлил, стараясь уклониться от прямого ответа. – Но Петр Михайлович, как мне представляется, это достойная кандидатура.

– Достойная кандидатура, – фыркнул Шлеменко, – bullshit! Чего эта кандидатура достойная и чем она этого достойная, мне кто-нибудь ответит? Нет, я не спорю, Петр – парень толковый, умный, я бы даже сказал. Но что с его ума пользы? Он не созидатель, он ничего в своей жизни путного не сотворил. А теперь поздно, уже не научится. Он обычный бюрократ, и все, что он сможет сделать, если сядет в Кремль, – это пересадить других чиновников по кругу так, как ему покажется правильным. Но вы ведь учили математику? От перестановки слагае-

мых сумма не меняется. Чтобы увеличить результат, надо либо складывать большие величины, либо научиться умножать. Но где те люди, кто мне покажет?

– Если не Фролов, тогда кто? – осторожно поинтересовался Подгорный. – Тукай?

– Тукай, наш бравый генерал Тукай. – Шлеменко щелкнул пальцем по стеклу бокала. Бокал покачнулся, но устоял. – Все, что могут военные, – это наводить порядок. Надо признать, у них это иногда даже получается. Но только тогда, когда они принимают страну в полном хаосе. Тогда из неорганизованной, разрозненной нации они могут построить свои шеренги, колонны и эти, как их, когорты. Так было со времен Древнего Рима, так есть и сейчас. Вся штука в том, что в нашей с вами любимой стране все и так уже давно построены. В военное время эти когорты могли бы кричать «ура», размахивать знаменем и браво умирать под пулями на радость своим вождям. Но что они могут в мирное время? Вот «Мёбиус», прекрасная яхта. Чтобы ее создать, не нужны люди, шагающие строем. А ведь можно сделать яхту лучше или придумать новый телефон, новый автомобиль, новое то, у чего сегодня даже нет названия. Понимаете, Максим, так создаются не просто вещи, так создается будущее. Будущему противопоставлены люди в форме. – Шлеменко вновь презрительно фыркнул и неожиданно сменил тему: – Вы будете рыбу или мясо? В пользу рыбы могу сказать, что ее поймали только сегодня, в пользу мяса лишь то, что оно великолепно.

– Я бы выбрал мясо, оно лучше сочетается с коньяком.

Яхта совершила поворот, и багровый диск солнца показался над горизонтом, там, где холодное северное море сливалось в единое целое с таким же холодным северным небом.

– Закат, коньяк, мясо – да мы просто два эстетствующих гурмана, – рассмеялся Шлеменко и, очередным щелчком подозвав к себе незаметного молодого человека, отдал ему короткие распоряжения на английском. – Вы, кстати, едите свинину? – уточнил он у Подгорного и, получив утвердительный ответ, одобрительно заметил: – Это хорошо, не люблю людей с предрассудками.

Молодой человек, получив инструкции, молча кивнул и, неслышно ступая, удалился. Шлеменко ткнул пальцем ему вслед.

– Бао, вьетнамец, уже лет восемь у меня работает. Здесь, кстати, на «Мёбиусе», почти вся команда – вьетнамцы.

– Почему именно они? – удивился Подгорный.

– Очень трудолюбивый народ, скажу я вам, но, в отличие от большинства других азиатов, у них нет двойного дна. Говорят, что азиаты боятся потерять лицо, фигня все это, – на щеках Шлеменко сквозь золотистый загар проступил румянец, – у них всегда выгода на первом месте, а обмануть белого человека вообще никогда не было зазорно. Поверьте мне, я с азиатами много работаю. Вот у японцев были самураи, кодекс чести и все такое. А у этих никаких тебе кодексов, никаких сословий, но вся страна, как самураи. Назад не отступят. Поэтому американцы и обломали зубы во Вьетнаме. Уникальный народ!

– Но до яхты меня сопровождали не вьетнамцы.

– Это все европейская команда Леона, – кивнул Шлеменко. – Леон, кстати, единственный, кто, кроме меня, здесь говорит по-русски.

– Удобно, меньше лишних ушей, – согласился Макс.

– Вот именно, – кивнул Шлеменко, – я, знаете ли, стараюсь без особой нужды не общаться с соотечественниками.

– Почему же такая нелюбовь?

– С ними не получается вести дела с взаимной выгодой. С тех пор как я перестал жить в России, я несколько раз пробовал делать совместные проекты с, так сказать, соотечественниками. Всегда все заканчивалось тем, что им от меня что-то было нужно, причем это что-то всегда оказывалось деньгами. Наверно, это сказалось и на моем отношении к подбору персонала. Один Леня и остался. Хотя, какой он уже Леня? Теперь Леон.

Макс поднялся с кресла и вышел на открытую носовую часть палубы. Солнце лениво двигалось прямо по линии горизонта. По мнению Макса, ему уже давно пора было сделать глубокий вдох и нырнуть в холодные атлантические воды, задержав дыхание до следующего утра. Однако, словно неумолимый пловец, оно скользило по воде, гордо держа на поверхности рыжую вихрастую голову.

– Вы чего-то ждете? – подошедший Шлеменко оперся на поручень.

– Коньяк прилагался к закату. – Макс полной грудью вдохнул холодный, пропитанный морской солью воздух.

– Ах, закат, – рассмеялся Шлеменко, – простите, я неверно выразился, в это время года в здешних широтах солнце не заходит. Оно так и будет скользить по горизонту. Если хотите, можете считать это закатом, который продлится до самого утра. Прекрасное зрелище.

– Прекрасное, – согласился Подгорный, – но тогда нам стоило выбрать виски. Он лучше подходит для длительного созерцания. Я правильно понимаю, что должен получить от вас некие материалы, которые могут помочь Фролову в предвыборной гонке?

– Скорее они могут помешать Тукаю, – лицо Шлеменко стало серьезным, – он нарушил правила игры, и этого ему могут не простить.

– Вы уверены, что в таких играх есть правила?

– Как ни странно, но да, – с убеждением отозвался Шлеменко. – Вот представьте себе шикарный отель олл инклюзив. В этом отеле проживают Фролов, Тукай и куча других персонажей, а называется этот отель Power – «Власть». В этом отеле все есть и все дозволено. Личный шофер, золотой унитаз, машина с мигалкой. Тебе не надо воровать полотенца, если ты хочешь иметь их сто штук, достаточно заказать на ресепшен. В общем, жри сколько влезет, правило одно – навывнос нельзя. Поэтому что самое главное? Остаться жить в этом отеле до самой смерти, а еще желательно успеть заселить в него своих отпрысков. Иногда бывает так, что приходится поменять номер люкс на стандарт, но это не так страшно, главное, чтоб не выселили. Поэтому жильцы отеля не воруют.

– Да ладно, – не сдержался Подгорный.

– Не воруют, – Шлеменко покачал пустым бокалом у Макса перед носом, – они берут. Берут свое. Разницу улавливаешь? А должен! Воруют те, кто вроде как и мог бы заселиться в отель, но никак не получается, нет свободных мест. Вот они и толпятся в холле и тырят все, что не приколочено. Полковники всякие, мэры, прочая шушера. А им нельзя. Нельзя есть икру ложками. Это еще не их икра!

Бао в компании еще одного такого же невысокого и худощавого азиата выкатил сервировочную тележку. Вдвоем они быстро заполнили стол и так же быстро удалились. До Макса донесся запах жаркого.

– Ну, пойдем продегустируем, судя по запаху, должно быть съедобно.

Шлеменко потянул Подгорного за рукав.

– Так вот, – Аркадий стремительно обглодал ребрышко, – Тукай нарушил главное правило отеля. Бери сколько хочешь, но только через администратора. Год назад, когда закрутилась вся эта эпопея с Жамбаевым, ну, ты помнишь?

Макс кивнул. Что-либо отвечать не было смысла. Попытка выдвижения Жамбаева, закончившаяся его так и не раскрытым убийством, была хорошо всем известна.

– Тогда наш доблестный генерал испугался, что новый обитатель президентских апартаментов захочет сильно обновить весь пул постояльцев нашего славного отеля. И куда ему тогда на старости лет деваться? В хостел? В хостел Тукай не хочет. И он проворачивает одну очень простую схему, связанную с поставками нашего оружия на Африканский континент. Мы, кстати, в прошлом году рекорд по объемам установили. Соглашения на поставку, они ведь межправительственные, а непосредственно контракт заключают уполномоченные организации. Так вот, наши темнокожие друзья, по совету Тукай, создали вторую такую организацию,

и оружие оплачивала она. Почти на двести миллионов долларов. При этом из бюджета она получила сумму порядка трехсот пятидесяти миллионов. Примерно сорок процентов этой разницы Тукай положил в карман лично себе. Остальное досталось его африканским партнерам. Все провернули быстро и эффективно. Потом, правда, везение от Тукая на время отвернулось, и он загремел в больницу с инсультом, однако, как видите, выкарабкался и теперь вполне неплохо себя чувствует.

– Во всех смыслах неплохо, – согласился Подгорный, – но если деньги делили уже не у нас, то как эта история выплыла?

– Понимаете, сделка с Тукаем была разовой. Его доля честно ушла в один маленький неприметный банк, и о нем забыли. А вот у моей компании в этой стране интересы постоянные. Медь, никель, еще кое-что по мелочи. Нельзя же все отдавать на откуп китайцам. Как вам мясо? Надеюсь, оно не обмануло ваших ожиданий?

– Мясо великолепно, – не покривил душой Подгорный, – когда я смогу получить эти материалы? Интересно все это изучить поподробнее.

– Флешку вы получите непосредственно перед отъездом, на борту «Мёбиуса» запрещено пользоваться электроникой.

– Однако, сурово, – не смог сдержать своего разочарования Макс.

– Поверьте, это разумная необходимость. Если бы так поступали все и всегда, то всякие потаскушки писали бы меньше книг, а занимались только тем, за что им и так платят. Конечно, вы мой гость, и я мог бы сделать исключение, но поверьте, лучше не делать исключений ни для кого. Так проще, и никто не обижается.

– Нет проблем. – Макс почувствовал, что наелся, и откинулся на спинку кресла. – Если честно, мне не очень понятен смысл моего приезда сюда. Столько хлопот, конспирация... Для чего все это? Ведь можно было прислать файлы на мейл или разместить в облаке.

– Читайте, Максим, это моим маленьким капризом, – улыбнулся Шлеменко, – захотелось пообщаться с соотечественником, узнать из первых рук последние новости. Кстати, я регулярно захожу на сайт МБК. Должен признать, что вполне недурственно.

– Пока еще в этом нет моей заслуги, – Макс немного смутился, – сейчас основная задача – не испортить то хорошее, что уже успели создать до меня.

– Во-первых, не скромничайте, – живо отозвался Шлеменко, – новая рука уже чувствуется, а во-вторых, не бойтесь ничего портить. Так гораздо легче что-то улучшить. Кстати, Максим, надеюсь, в отношениях с женщинами вы не такой скромник.

Еще несколько минут назад Макс заметил, что Шлеменко нажал кнопку лежащего перед ним на столе пульта. Решив, что он вызывает кого-то из службы, Макс не придал этому значения. Теперь он понял, что список штатного персонала на яхте гораздо шире, чем он мог представить.

Девушек было три. Их внешность подтверждала слова Шлеменко о том, что на яхте нет русскоязычного персонала. Ни в каком качестве. Все три были одеты по погоде – в мягких длинных свитерах из ангорской шерсти или водолазках, на одной из девушек были джинсы, две остальные были в брюках. И тем не менее Макс почувствовал исходящую от этой троицы волну сексуальности, которую редко когда можно ощутить, даже глядя на выступление стриптизерши в ночном клубе. Все три были брюнетками. На этом сходство заканчивалось, начинались различия. Начинались эти различия с того, что все три девицы явно были родом не просто из разных стран, но и с разных континентов.

– Синти, Кристи, Киу. – Шлеменко представил девушек Подгорному, бесцеремонно тыкая в них пальцем. Синти из Бразилии, Киу из Гонконга, а вот Кристи не из Намибии, как вы наверно подумали. Она французенка. Вы знаете французский, Максим?

– Un peu¹. – Макс смущенно покачал головой.

– Красивый язык, прекрасный, – воскликнул Шлеменко, – это лучшее, что есть во Франции, особенно после того, как эти балбесы не смогли уберечь Нотр-Дам. Но все девочки говорят по-английски, так что французский и португальский вам не понадобятся.

Бесшумно появившийся Бао вынес шампанское и с легким хлопком откупорил бутылку.

Спустя час уже ничто не напоминало Подгорному о цели его визита. Еще дважды над палубой раздавался хлопок от выскочившей из узкого горлышка пробки. Разговор шел преимущественно на английском, хотя Шлеменко иногда с легкостью переключался на другие языки, было видно, что это доставляет удовольствие и девушкам, и ему самому. Разговор касался таких тем, о которых Макс уже давно ни с кем не разговаривал, отчего ему сперва было несколько непривычно, но в конце концов он, не без помощи очередного бокала коньяка, расслабился и получал удовольствие от непринужденного общения. Для начала девушки поделились своими впечатлениями от новой серии The Perfectionists. Обсуждение киношной жизни молодых красоток плавно перешло на обсуждение красоток реальных – новый состав ангелов Victoria's Secret. Как это обычно бывает в подобных обсуждениях, и Синти, и Кристи, и даже немного поколебавшаяся Киу сошлись в одном – старый состав был гораздо лучше. После этого, устроившего всех, умозаключения девушки выпили еще по фужеру шампанского и начали обсуждать каждого ангела в отдельности. Чтобы понимать, о чем, точнее, о ком идет речь, Шлеменко под бурные аплодисменты был вынужден достать свой айпэд – планшет был только у него – и подключиться к спутниковому Интернету. Кристи завладела инициативой, пролистывая страницы и периодически показывая мужчинам новые фотографии критикуемых супермоделей.

– А как она ходит? С ее-то бедрами разве можно так вилять задницей? – возмутилась Синти. – Ходить нужно вот так, смотри!

Она легко прыгнула с кресла и отбежала на несколько шагов, выскочив на открытый нос яхты. Ветер мгновенно заиграл с ее роскошными волосами. Синти улыбнулась и на мгновение замерла, положив одну руку на бедро, а другую отставив чуть в сторону. Убедившись, что внимание всех присутствующих приковано только к ней, красotka сделала несколько шагов по палубе так, словно находилась на подиуме. Приблизившись к столу, она вновь замерла, затем послала Подгорному воздушный поцелуй и, грациозно развернувшись, вновь вышла из «беседки». Все дружно зааплодировали, а Шлеменко, к удивлению Подгорного, заложив два пальца в рот, громко свистнул.

Шум волн заглушила музыка. Кто-то невидимый, возможно Бао, а может быть, кто другой, прибавил громкости, и теперь новый хит Арианы Гранде несея из многочисленных динамик. С радостным возгласом Кристи вскочила на ноги и потянула за собой Киу. Девушки бросились к своей подруге и, перекинувшись парой фраз, замерли, напустив на себя серьезный вид. Пластично изогнувшись, Киу метнулась в сторону и замерла, распластавшись над палубой в низкой стойке, напомнившей Подгорному фильмы о монахах Шаолиня, которые он смотрел еще мальчишкой. Секундой позже Кристи сделала два решительных шага в другую сторону и тоже застыла в бойцовской стойке. Синти с улыбкой посмотрела вначале на Киу, довольно кивнула и повернулась к Кристи. Вновь последовал довольный кивок. Синти легко прыгнула вперед и приземлилась на палубу, сжавшись в комок, словно выпрыгнувший из будущего Терминатор. Она медленно выпрямилась, откинула назад волосы и приняла боксерскую стойку. Пристально глядя в глаза Подгорному, она поманила его движением ладони так, как это делали герои Брюса Ли и Ван Дамма.

– Тебя зовут, – ухмыльнулся Шлеменко.

¹ Немного.

Макс сделал еще глоток и неуверенно поднялся на ноги, не очень понимая, что от него требуется. Очевидно, невидимый ему ди-джей только этого и ждал, потому что в это же мгновение музыка заиграла еще громче. Танцевальный ритм вырывался из мощных динамиков и несся над волнами, пытаясь догнать неспешно катящийся над горизонтом диск солнца. Еще мгновение назад застывшие, словно Ангелы Чарли перед атакой, девушки двигались в этих бьющих в перепонки ритмах, приближаясь все ближе к неподвижно стоящему Подгорному. Включившиеся одновременно с музыкой световые установки бросали разноцветные блики на их причудливо извивающиеся тела. В мелькании ярких огней эти изгибы казались Максиму еще более удивительными и притягательными.

– Ну что замер, друг? – тяжелый удар ладони по плечу вывел Макса из оцепенения. – Пошли потанцуем.

– А пошли. – Макс устремился вслед за шагнувшим вперед Шлеменко.

Никак не желающее заходить за горизонт солнце разрушало уже захлебывающиеся в коньяке представления о времени и пространстве. Вскоре Макс уже не мог сказать, как долго он танцует, не мог понять, чья рука только что ласково пробежала по его животу и чьи бедра сейчас сжимают его собственные руки. Все закружилось в оглушительном мелькающем хороводе, который с каждым танцем, каждым новым ритмом становился все громче и все быстрее. В конце концов Макс уже не мог понять, что за музыка сейчас играет, и не мог ничего различить в мельтешении тел и разноцветных огней. Он на мгновение остановился и закрыл глаза, а когда вновь открыл их, было уже утро.

Макс развалился за рулем своего «гелендвагена» в расстегнутой на груди рубашке, откинув спинку сиденья далеко назад. Сидевшая на пассажирском кресле Наташа одной рукой гладила Максиму голову, другой ласково касалась его груди. Подгорный чувствовал себя на вершине блаженства. Он счастливо зажмурился и был уверен, что вот-вот начнет мурлыкать от удовольствия. Макс почувствовал, как язык легонько коснулся его соска, пощекотал его, а затем мягкие влажные губы прильнули к его груди. Еще через мгновение он ощутил легкие покусывания, от которых по телу побежали мурашки.

– Наташка, – пробормотал Подгорный, чувствую нарастающее возбуждение.

Фролова что-то прошептала в ответ и хихикнула. Ее рука скользнула вниз по животу туда, где прилившая кровь, словно волшебное зелье, заполняла собой пещеристые тела, заставляя плоть увеличиваться в размерах. Как вырвавшийся на свободу джинн, эта плоть становилась все больше, все сильнее, впитывая в себя всю силу и энергию остального организма. Ведь в этот момент все остальное было совсем не важно. В этот момент эта жаждущая прикосновений плоть и была Макс Подгорный.

Женские губы коснулись этой плоти, восторженно вздрогнувшей от ласкового прикосновения. Макс протянул руку, коснулся Наташиной головы, вцепился в ее волосы и блаженно простонал:

– Наташа!

– Qui est Natasha? C'est ta petite amie?²

Макс открыл глаза. Кристи скользнула к его лицу. Ее огромные глаза были полны любопытства.

– Qui est Natasha? – повторила она свой вопрос и, игриво укусив Макса за мочку уха, уселась на него сверху.

– Personne. – Макс на мгновение зажмурился и повторил уже по-русски: – Уже никто.

Кристи равномерно двигалась на нем, постепенно наращивая темп. Макс вновь закрыл глаза. Думать ни о чем не хотелось, сейчас это было бы просто глупо.

² Кто такая Наташа? Это твоя подружка?

Когда Подгорный в сопровождении Кристи вышел на палубу, Шлеменко дремал в кресле, на коленях у него валялся электронный ридер. Услышав шаги, миллиардер открыл глаза и довольно улыбнулся.

– Ну наконец-то, а то я здесь уже заскучал. Как самочувствие?

Макс неопределенно покачал головой.

– Это поправимо, – рассмеялся Шлеменко, держите таблеточку. А запить лучше шампанским.

– Шампанским? Таблетку? – засомневался Подгорный.

– Пейте, – Шлеменко наполнил фужер до краев, – у меня такое шампанское, что им не то что таблетки запивать, его младенцам давать можно. В гомеопатических дозах! – Он расхохотался. – Но вы уже большой мальчик, вам можно бутылочку.

Появившийся низкорослый азиат молча подал завтрак и, поклонившись, исчез. Макс показалось, что это был не Бао, однако он не был полностью уверен. Кристина задумчиво ткнула вилкой в тарелку. Судя по всему, аппетита у нее не было. Она взяла свой фужер с шампанским и пошла на нос яхты, где уже были установлены несколько шезлонгов.

– Ну как шампанское, бодрит? – подмигнул Шлеменко.

– О да, – признался Подгорный, – стало значительно лучше.

– Это хорошо. Часа через три мы вновь подойдем к берегу. Леон доставит вас прямо в Рейкьявик, где вы переночуете в гостинице, а рано утром вас отвезут в аэропорт. Как я говорил, флешку вы получите непосредственно перед тем, как мы простимся. Надеюсь, это принесет Петру тот результат, на который он так рассчитывает.

– Вы в этом не уверены?

– Честно? Не очень. Кого в России можно удивить воровством? Он же не мелочь по карманам тырил. Все солидно, суммы достойные, как и подобает его уровню. Все, как у всех. Я вам вчера, Максим, с пьяных глаз всякие глупости говорил. Про отель пятизвездочный, про жильцов его. Вы мне не верьте, глупости это все. – Шлеменко зевнул, запоздало прикрыв рот фужером с шампанским. – Я наврал вам. Знаете, в чем наврал?

– Пока нет. – Макс с интересом слушал разговорившегося миллиардера.

– Не в том, что есть такой отель, не в том, что там можно все. Это все так и есть. Ложь в том, что они не воруют. Я имею в виду – жильцы. Постояльцы отеля. Воруют. Все до единого воруют. Потому что боятся, боятся, что выселят. Вот и тащат, кто как может. Вы думаете, у меня на Фролова таких материалов нет? Выше крыши, Максим, поверьте мне. Причем, в отличие от нашего генерала, у Фролова процесс организован на постоянной основе уже лет десять. Кстати, напомните нашему дорогому Петру, что свою часть сделки я выполнил, теперь ему следует выполнить свою. Ждать буду две недели, не больше.

– Ясно, – кивнул Макс, – вы, значит, тоже не за идею радеете. Из двух жуликов выбираете того, который готов заплатить вам лично.

Шлеменко хищно оскалил зубы.

– А я смотрю, идеалист в вас еще не умер. Это даже забавно, что в окружении Петра появляются такие люди. Что касается, как вы говорите, жуликов. Уверен, что и Тукай с удовольствием заключил бы со мной сделку. Однако Фролов оказался сообразительнее. Это одна из причин, почему я согласился ему помочь. Мы все находимся в состоянии ограниченного выбора. Крайне ограниченного, Максим. В данном случае этот выбор сводится всего к двум персоналиям, и, независимо от того, насколько они плохи, одного из них надо выбрать. В данный момент я считаю, что Фролов – лучшая кандидатура. Но это только при условии, что он выполнит свою часть сделки.

– Наверное, мне не стоит интересоваться, в чем именно заключается эта часть? – усмехнулся Макс.

– Прямо сейчас не стоит. Но обещаю вам, Максим, что как только сделка будет закрыта, а заодно закрыта будет тема выборов, я дам интервью вам или любому журналисту вашего холдинга. На ваше усмотрение. Это будет хороший материал. «Форбс» будет себе локти посаживать от зависти.

* * *

Возвращение в Москву, словно кинолента, просматриваемая от конца к началу, не таило в себе неожиданностей. В сопровождении Леона Подгорный добрался на скоростном катере до берега, где их уже ожидал неприметный «фольксваген-гольф». ОТЕЛЬ, в котором они ночевали, располагался на окраине Рейкьявика, номер был заказан на фамилию одного из сопровождающих. Леон, видя, что Подгорный погружен в раздумья, не беспокоил его болтовней и только вечером, после ужина, предложил Максиму сыграть в шахматы. Подгорный, сам не зная почему, согласился. Первую партию он проиграл очень быстро, даже не успев настроиться на игру. Вторую партию он играл белыми, играл очень осторожно, применив любимое им с детства английское начало. Ход за ходом стороны вели позиционную борьбу, не приносящую ни одной из них видимого перевеса. В конце концов Подгорный, устав от этой затяжной схватки, пожертвовал слона, надеясь выиграть инициативу и получить возможность атаковать. Леон, задумавшийся над ответным ходом значительно дольше, чем делал обычно, жертву принял. Игра действительно обострилась. Взяв слона, он вынужденно сдвоил пешки, и через брешь, образовавшуюся в стройной линии защиты, Подгорный повел свои фигуры в наступление. Однако, к разочарованию Макса, Леону удалось отвести все возможные угрозы от своего короля, и после череды разменов, в которой Макс сумел отыграть слона, партия пришла к ничейному исходу.

– Благодарю за игру, – Леон стиснул ладонь Подгорного, – рекомендую переданные вам материалы разместить в каком-нибудь облачном хранилище. Идея возвращаться с флешкой не кажется мне разумной.

– Наверно, вы правы, – согласился Подгорный.

– Только не стоит это делать с вашей учетной записи. Будет лучше, если вы сейчас создадите новую, и уже с нее разместите всю нужную информацию.

– А что делать с флешкой?

– Я бы уничтожил. За ней могут начать охоту, если только узнают о ее существовании. Слишком ценный трофей.

– Вы знаете, что там записано? – полюбопытствовал Макс.

– Знаю, – кивнул Леон, – часть материалов я готовил лично, хотя я был противником нашего участия в подобной сделке.

– Почему?

Леон вновь улыбнулся, однако в его улыбке явно читалась грусть.

– Я слишком дорожу своим работодателем, поэтому пытаюсь оградить его от тех сделок, риски в которых до конца просчитать невозможно, но то, что они велики, – это очевидно. Всего доброго, Максим. Я найду за вами ровно в шесть.

До аэропорта Кефлавик они добрались без приключений. Ранним утром единственной опасностью, подстерегавшей их на шоссе, был плотный белесый туман, пробираясь через который многие водители включали аварийку. К счастью Подгорного, вылет не задержали, и спустя пару часов он был уже в Мюнхене, откуда затем благополучно вылетел в Москву. Вернувшись в столицу, Макс вернулся и в лето, с его палящим солнцем, раскаленным асфальтом и мечущимся в горячем воздухе хороводом тополиного пуха.

В зале прилета Подгорный почти сразу заметил рослую фигуру одного из своих охранников. Вместе они вышли на парковку, где сиял на солнце белоснежный, всего две недели как купленный новенький «мерседес» S-класса. Последовав совету Фролова, Подгорный не выез-

жал в город за рулем, однако не стал покупать себе лимузин черного цвета, чтобы его машина не была полностью похожа на автомобили высокопоставленных чиновников. Перемещаясь по мегаполису с личным водителем, Макс получил возможность работать в дороге, чем он, как правило, и занимался, лично вычитывая самые важные материалы номера и темы предстоящих информационных обзоров телеканала. Однако Подгорному не хватало ощущения скорости, того драйва, который он испытывал за рулем своего внедорожника. Уже трижды за последние две недели он, вернувшись вечером домой, выгонял из гаража «гелендваген» и отправлялся на нем колесить по окрестным дорогам. Возвращался Макс уже совсем поздно, когда долгий июньский вечер наконец нехотя уступал свои права короткой ночи. Спешить Макс было некуда, ведь в огромном, окруженном столетними соснами доме его никто не ждал. Сам дом, расположенный в одном из закрытых поселков в районе Новорижского шоссе, появился в жизни Макса еще в начале июня и тоже по совету Фролова.

– Вы, Максим, теперь персона публичная, сами не заметите, как обростете знакомствами. Иногда людей и в гости пригласить надо будет, так что вам явно нужна резиденция попросторнее вашей квартиры. К тому же лето в Москве – это не то время, когда надо торчать в городе. Так что сам бог велел присмотреть какой-нибудь загородный домик.

– Не уверен, что я сейчас потяну покупку. – Идея с домом Макс понравилась, но он только что вложил все свои средства в покупку медиахолдинга и на ближайшие несколько лет был в полной зависимости от банков.

– Сразу покупать и не обязательно, в Москве огромный рынок аренды, вы вполне можете подобрать себе что-то на лето, а осенью будет видно. Осенью вообще может многое измениться, – усмехнулся Фролов.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Подгорный, – я с детства жил за городом. В квартире мне, если честно, тесновато. Завтра и начну поиски.

– Кстати, – Фролов щелкнул пальцами, как будто вспомнил что-то интересное, – в соседнем поселке живет один мой знакомый, Локтионов Толя. Вы о нем, наверное, слышали, а если и нет, то в любом случае скоро услышите. Он во всех банковских рейтингах фигурирует. Председатель правления Кредо-банка.

– Я пока еще не очень ориентируюсь в персоналиях. – Макс виновато улыбнулся.

– Ничего, это дело наживное, – отмахнулся Фролов. – Так вот, несколько лет назад Толя выстроил здесь два дома. Он тут собирался целый семейный анклав устроить, родителей жены хотел рядом с собой поселить. Идея, на мой взгляд, изначально была так себе, а пока стройка шла, он и развестись успел. Еще на стадии котлована. Но Толя, не знаю зачем, достроил оба дома. Мало того, что достроил, так он их оба еще и обставил. Кстати, через год после развода он опять успел жениться. Но у его нынешней жены родители уже умерли, так что второй дом пока без дела простаивает. У них растет дочка, может, со временем дом ей достанется, а сейчас вполне можно Толю поднапрячь, чтобы он дом вам сдал.

– Как быстро у вас все решается, – неуверенно покачал головой Подгорный.

– Это Москва, – улыбнулся Петр Михайлович, – здесь все делается быстро. Вот только дел меньше от этого не становится, – добавил он, неожиданно погрузнев, – так что здесь все быстро и бесконечно. Такое вот единство противоположностей.

Он достал смартфон и нашел нужный номер.

– Толя, добрый вечер! Толя, завтра с тобой свяжется один хороший человек, зовут его Подгорный Максим. Это, кстати, новый владелец МБК-медиа. Насчет статьи не знаю, сам договаривайся. А свяжется он с тобой по такому вопросу. У тебя же дом второй пустой стоит? Пустил бы ты хорошего человека пожить на лето. Хорошо, Толя, я в тебе и не сомневался. Твой номер я Максиму дам, все детали вы завтра сами обсудите. Все, сейчас не могу говорить долго, супруге привет!

Фролов с удовлетворенным видом бросил телефон на стол и потянулся к пиву.

– Ну вот, завтра дом посмотрите, если понравится, можно будет заселяться.

Дом Максy понравился. Просторный, современной архитектуры, с огромными панорамными окнами, из которых открывался великолепный вид на примыкающий к участку парк с гигантскими раскидистыми соснами. Как это ни удивительно, дом, построенный еще шесть лет назад, вовсе не производил впечатление заброшенного. Вся внутренняя отделка была завершена, в некоторых комнатах присутствовала неизвестно зачем купленная мебель, которой никто никогда не пользовался. Впрочем, ее было совсем немного. Кухня была полностью укомплектована и сияла чистотой и алюминием.

– У меня раз в неделю сюда люди заходят, делают уборку, – рассказывал хозяин дома, невысокий полный мужчина лет пятидесяти, на макушке которого блесло блюдечко лысины, обрамленное темными редкими волосами. Из-под густых, еще более темных бровей блестели живые, внимательные глаза, пытающиеся оценить реакцию собеседника на каждое произнесенное слово. – Зачем это все делаю, сам не знаю. Никто здесь не жил никогда, но не могу, чтоб бардак был. Люблю, знаете ли, порядок. Порой зайду сюда, поброжу. Найду грязь какую-нибудь, перемывать заставляю. Полина смеется. Жена моя. Если надумаете здесь поселиться, то в ближайшую субботу непременно жду вас в гости. Отметим ваше новоселье, да и познакомлю вас кое с кем, вам интересно будет. У нас, кстати, поселок весьма примечательный, скажу я вам. Много людей живет из тех, о ком в прессе пишут, и ваш журнал в том числе. Здесь, кстати, рядом, на соседней улице, даже писательница обитает. Господи, как же ее, – наморщил лоб Локтионов, – ну, которая каждый месяц новую книгу издает. Марья, забыл фамилию. Героическая женщина. И книги пишет, и в телевизоре через день сидит, и во всех журналах интервью дает. Порой мне кажется, у нее оборот больше, чем у моего банка. – Локтионов жизнерадостно захохотал. – Ну что, как вам домик? Нравится?

– Нравится, – честно признался Подгорный.

– Ну и прелестно, – обрадовался банкир. – Завтра я пришлю людей, здесь все намарафетят, а послезавтра уже можете заселяться.

– А что по цене? – Подгорный любовался летающей тарелкой камина, труба от которого взмывала ввысь и исчезала в высоком потолке гостиной.

– Ох, об этом не думайте, – отмахнулся Локтионов, – наш общий знакомый, Петр Михайлович... Знаете, я ему стольким обязан, что предоставить пустой дом в ваше распоряжение – это самое меньшее из того, что я могу сделать. Но если вы действительно хотите заплатить, – банкир заговорщически прихватил Макса за локоть, – то у меня есть одно желание, и, надеюсь, оно не будет для вас слишком обременительно. Давайте присядем, у меня здесь, кстати, даже бутылочка виски завалилась, я сейчас вам все объясню.

Спустя небольшой промежуток времени, за который литровая бутылка опустела примерно на треть, Макс узнал главное. Его новый знакомый, этот маленький, толстенький, смешно вздыхающий после каждой фразы человечек, необыкновенно тщеславен. Добившись огромных успехов в банковском бизнесе и получая от жизни почти все, что могут дать деньги, он страдал. Страдал от недостатка уважения, недостатка внимания, недостатка популярности. Он тратил уйму времени и заседал в общественном совете при МВД только ради того, чтобы иногда иметь возможность здороваться за руку с генералами, которые к следующей встрече уже забывали его фамилию. Он потратил кучу денег, чтобы избраться депутатом Московской городской думы, чтобы два раза в год иметь возможность задать прямой вопрос мэру на заседаниях с его участием. Но все это на самом деле ни на шаг не приблизило его к пантеону избранных, к тем, кто, по словам Шлеменко, населял великолепный позолоченный отель. Отель, в котором можно было все. В котором жили избранные. Те, кто, поблескивая синим маячком, мчались вечером по осевой полосе Кутузовского проспекта, те, о ком с гневом и возмущением писали лживые сайты оппозиции, те, на чьем месте хотел бы оказаться каждый. Анатолий Локтионов приблизился к входу в этот прекрасный отель так близко, как никто другой, так

близко, как позволяли накопленные им миллионы. Но от этой близости его разочарование от того, что он не в силах сделать последний, решающий шаг, только возрастало. Он видел то, что не дано было видеть другим, он знал многие секреты и прелести этого замечательного отеля, однако они по-прежнему оставались для него недоступны. И это не только расстраивало, это чертовски злило на удивление добрейшего и милого в общении человека, каким был господин Локтионов.

Хоть каким-то утешением для Локтионова послужил бы выход статьи, а лучше даже серии статей, посвященных ему, в еженедельном журнале Подгорного.

– Я ведь не просто мешочек с деньгами, я личность. – Банкир возбужденно сопел. Его короткие, толстые пальцы с силой сжимали бокал с виски. – Обо мне много интересного рассказать можно. Вы знаете, Максим, я ведь стихи пишу, даже иногда песни. Вот придете к нам в гости. Я вам спою.

– Вы еще и поете? – удивился Подгорный.

– Пою – это, конечно, громко сказано. Напеваю. Так будет точнее, – объяснил Локтионов, – я ведь нот не знаю, в детстве у меня вообще со слухом проблемы были. Я про музыкальный слух говорю. А вот с годами как-то пришло. Иной раз, знаете, сидишь. А в голове мелодия рождается. Удивительно! Я сразу телефон хватаю и на диктофон все это напеть пытаюсь, что у меня в голове крутится. Не очень, конечно, выходит, но как есть. А потом отдаю одному аранжировщику знакомому, он эти мои курлыканья в ноты переводит.

– Анатолий Григорьевич, вы интересный человек. – Подгорному даже не пришлось врать, чтобы сделать Локтионову приятно. Судя по всему, тот и вправду был фигурой яркой и разносторонней.

– Вот и я про это говорю! – энергично закивал Локтионов. – Напечатайте про меня статью, – не как про банкира, а как про человека. Впрочем, как про банкира тоже можно, – спохватился Анатолий Григорьевич, – это вредно не будет. И живите тогда в этом доме сколько хотите. Во всяком случае, в этом году он мне точно не понадобится. Коммуналку вы оплачиваете, – неожиданно строго заметил банкир.

– Само собой, – улыбнулся в ответ ему Подгорный.

Они скрепили договор крепким мужским рукопожатием.

* * *

Худощавый молодой человек в очках скучал в приемной. Увидев Подгорного, он радостно вскочил на ноги и застенчиво улыбнулся.

– А я к вам, вот. Как договаривались. Насчет работы. – Молодой человек от смущения немного порозовел и после каждой фразы украдкой бросал взгляд в сторону секретарши Подгорного, Иры, которая, в свою очередь, с усмешкой наблюдала за посетителем.

– Максим Сергеевич, у вас сейчас совещание с редакторами, – Ирочка бесцеремонно перебила молодого человека, – а через час должен начаться кастинг на новых ведущих.

– Понятно, – вздохнул Подгорный. – Что ж, вам придется подождать, – обратился он к молодому человеку, – постараюсь вас втиснуть между планеркой и кастингом.

– Максим Сергеевич, – улыбнулась Ирочка, – а вы пригласите молодого человека на кастинг, смотрите какой он симпатичный.

– Мне нельзя на кастинг. – Молодой человек окончательно смутился. – Я, когда волнуюсь, запинаться начинаю, а при виде камеры я всегда волнуюсь.

– Ну что же, значит, поищем другие варианты приложения ваших способностей. – Макс толкнул дверь в кабинет. – Ира, зовите редакторов, пусть поторопятся. Сегодня дел много.

На совещании с редакторами Макс с задумчивым видом кивал в такт говорящим и со столь же задумчивым видом соглашался со всеми предложениями редакторов. Когда выясни-

лось, что Макс последовательно согласился с двумя взаимоисключающими идеями, обсуждение зашло в тупик, а затем, как это обычно и бывает в подобных случаях, переросло в разговор на повышенных тонах между авторами двух гениальных и одобренных шефом идей, из которых осуществить, к сожалению, можно было только одну. Поняв, что что-то не так, Подгорный прервал свои размышления о полученных от Шлеменко материалах и хмуро поинтересовался:

– А еще громче вы орать можете? Других способов убедить собеседника у вас нет? Ни у одного? Это говорит о том, что ваши идеи еще недостаточно созрели. Поэтому мы отложим их. Пока на неделю. Через неделю я вновь вас выслушаю, и мы примем окончательное решение.

– Но через неделю будет уже поздно! – взвился один из редакторов.

– Через неделю будет июль, – отрезал Подгорный, – замечательный месяц, когда полстраны в отпусках, а другая половина завидует первой и поэтому тоже ничего не делает. Что может быть поздно? Все, дискуссия окончена.

Распустив недовольных редакторов, Подгорный нажал кнопку селектора и попросил Ирочку пригласить посетителя.

– Итак? – Подгорный с интересом смотрел на молодого человека.

– Итак, я готов приступить к работе в любом отделе, – улыбнулся молодой человек, – хотя, конечно, было бы очень интересно попробовать свои силы в журналистском расследовании.

Все так же застенчиво улыбаясь, молодой человек протянул Подгорному очередной лист бумаги. Макс быстро пробежался глазами по тексту:

«Я буду участвовать в подготовке публикации материалов, переданных Шлеменко. Мы должны сработать очень быстро, так, чтобы о публикации не было известно до выхода материалов в печать. До этого момента вы не должны поддерживать контактов с Фроловым. Его имя не должно ассоциироваться с этой публикацией. Вся связь через меня».

– Журналистские расследования, говорите, – иронично протянул Подгорный, – в молодости я тоже мечтал о чем-то подобном. Однако в жизни все оказалось гораздо скучнее. Уверю вас, все, о чем только можно узнать, и даже то, о чем нельзя узнать, в принципе, уже есть в Интернете. По сути, мы просто эхо, которое с запозданием подхватывает уже разошедшуюся в Сети информацию. В силу своей солидности мы придаем этой неофициальной информации статус новости. Это тот случай, когда эхо звучит громче, чем голос самого кричащего.

– Ну что же, – молодого человека несколько не смутила тирада Подгорного, – для начала я готов попробовать стать эхом. Может быть, со временем мне удастся и самому что-то крикнуть.

– Хорошо. – Подгорный взял ручку и, быстро написав несколько слов на лежащем перед ним листе бумаги, передал его посетителю. – Тогда завтра можете приступать. Не забудьте взять все нужное для отдела кадров. Уточните список у секретаря.

Молодой человек мельком взглянул на написанное и недоуменно пожал плечами.

– Завтра я буду со всеми необходимыми для оформления документами, надеюсь, вы не запросите слишком много.

– Тогда всего доброго. – Кивком Макс дал понять, что разговор окончен.

– Всего доброго, Максим Сергеевич, до завтра.

Молодой человек, все смущение которого куда-то уже пропало, неторопливо направился к выходу. В дверях он остановился и обернулся к Подгорному.

– Я ведь могу точно быть уверен, что принят?

Макс встал и уперся ладонями в столешницу. Лицо его было мрачным.

– Сначала я хотел бы увидеть все ваши документы. Если все нормально, то будем работать. Вы будете работать, – поправился Подгорный.

Ничего не ответив, молодой человек вышел из кабинета.

Весь день Макс ждал звонка от Фролова, однако тот так и не позвонил. Очевидно, Петр Михайлович действительно решил свести все общение к формату странных записок, передаваемых через столь же странного молодого человека.

Утром, войдя в приемную, Макс с разочарованием увидел пустые кресла для посетителей. Молодой человек не пришел. Это было не очень хорошим знаком, но как следует обдумать эту мысль Подгорному не удалось. Началась планерка. В отличие от вчерашнего совещания, на этот раз Макс внимательно выслушивал все идеи своих сотрудников и даже ввязался в небольшую дискуссию, касающуюся формата нового политического ток-шоу. Постепенно настроение Макса улучшилось, и по окончании совещания он попросил Ирочку приготовить ему кофе.

– Хорошо, Максим Сергеевич, сейчас сделаю, – прошептала Ирочка, – а к вам вчерашний молодой человек опять пришел. Вот только что. Костик.

– Давай зови этого... Костика, – буркнул Макс, – и кофе тоже давай.

– Один? – уточнила Ирочка. Чем окончательно испортила Максиму настроение.

– Один, – рявкнул Подгорный и бросил трубку.

Дверь кабинета открылась, и на пороге возник как всегда застенчиво улыбающийся молодой человек. В одной руке он нес тяжелый черный кейс. Не спрашивая разрешения Подгорного, он плюхнул кейс на приставной стол и извлек из него некое непонятное устройство, о предназначении которого Макс догадался почти сразу же, как только молодой человек начал методично обследовать кабинет, водя странным, равномерно попискивающим прибором из стороны в сторону. Обойдя весь кабинет и, очевидно, оставшись удовлетворенным осмотром, молодой человек убрал прибор обратно в кейс, но вместо него достал другой. Он установил черную пластиковую коробочку на подоконник и нажал какую-то кнопку. Максиму показалось, что он услышал какой-то невнятный гул, причем источником этого гула была не странная коробочка, а все окно разом.

– Резонатор колебаний, – коротко объяснил Костик, – не позволяет вести запись через окно с направленного микрофона. Кабинет у вас в порядке, так что мы можем нормально поговорить. Обмениваться записками несколько утомительно.

– Надо же, – усмехнулся Подгорный, – и вы это заметили.

В кабинет вошла Ирочка, неся поднос с кофе. Молодой человек усердно разглядывал свои ногти, дожидаясь, пока девушка выйдет.

– Итак, Максим Сергеевич, ваше пожелание Петру Михайловичу я передал. Должен сказать, все это не так просто. Официальная версия: я сын одного его старого знакомого, которого вас попросили трудоустроить. Все. На этом моя связь с Фроловым должна оборваться. Никто не должен узнать, какие вопросы мы с вами обсуждаем. Сам я тоже могу встречаться с Петром Михайловичем только тайно, а это не так просто, при том внимании, что его окружает. Тем не менее вчера мы встречались. Скажу вам сразу, Петру Михайловичу не очень приятна ваша позиция. У вас были некоторые договоренности, и он ожидал от вас их выполнения без всяких дополнительных условий.

– Материал, переданный Шлеменко, выходит за рамки всех договоренностей, – перебил его Подгорный.

– И что? – удивился Костик. – Что такого? Вам стало жалко Тукая? Материал подлинный, это не какой-то состряпанный на коленке компромат. Тукай сам себя скомпрометировал, так что он заслуживает того, что получит после публикации.

– А эта сделка? Она никого не компрометирует? Чем таким Фролов может отблагодарить человека, у которого денег куры не клюют?

– Клюют у него куры, поверьте мне, клюют, – иронично отозвался Костик, – каждая по зернышку, а знаете, в итоге мешками кормить надо. Так что денег много не бывает ни для кого. Шлеменко не исключение.

– И сколько же денег ему предложил Фролов? И откуда эти деньги вообще взялись? Ведь сумма должна быть астрономическая.

– Как таковых денег никто ему платить не собирается, – хмыкнул посланник Фролова, – уж тем более из бюджета, если это так вас волнует. У Шлеменко идет затяжная юридическая тяжба с братьями Беловыми по поводу Верхнеачинского металлургического комбината. Когда-то давно они вместе занимались его приватизацией, потом несколько раз меняли юридические лица. Офшоры и все такое, ну, сами понимаете.

Макс кивнул.

– Беловы теперь осели в Израиле, к нам они из-за нескольких уголовных дел невъездные, но дивиденды им капают. Причем, надо сказать, немалые. Шлеменко, говоря простым языком, пытается их из бизнеса выжать. У него есть некоторые юридические зацепки, которые в свое время Беловы проморгали. Раньше мы не могли вмешиваться в этот процесс, так как все бенефициары находились вне нашей юрисдикции. Но после того, как был принят закон о возврате капиталов, их фирмы прошли перерегистрацию, и теперь они подчиняются нашему праву. А наше право полагает, что мы можем немножко поспособствовать господину Шлеменко в его споре.

– И в придачу к одной половине завода отдать ему и вторую, которая ему никак не принадлежит. Широкий жест, однако. – Подгорный возбужденно расхаживал из стороны в сторону.

– Вас же не смутило то, что вы стали владельцем крупнейшего в стране медиахолдинга? Что вас смущает сейчас?

– За этот холдинг я заплатил, – вспыхнул Подгорный.

– Да бросьте вы, – махнул рукой молодой человек, – сделка прошла по цене ниже рыночной, и вы это прекрасно знаете. Да и кредит от банка вы получили на весьма льготных условиях. Не надо строить из себя поборника справедливости. Поздно, Максим Сергеевич.

– Поздно... – пробормотал Подгорный, – еще даже не июль, еще не поздно.

– Июль? – непонимающе переспросил Костик. – При чем тут июль?

– А июль тут совсем ни при чем. – Подгорный потер переносицу и неожиданно улыбнулся. – Не обращайтесь внимания. Это у меня так, свои мысли. Кстати, вы не боитесь, что Тукай пойдет тем же путем?

– Что вы имеете в виду?

– Обратится к тому же Шлеменко. Я так понял, у него много интересного материала. На разные лица.

Молодой человек ненадолго задумался.

– Я не могу вам отвечать за Петра Михайловича, но уверен, что не в интересах Шлеменко вести двойную игру. Такие вещи рано или поздно выходят наружу, и тогда ему уже не с кем будет сотрудничать. Никто не захочет подставляться. Он, конечно, вышел из многих активов, но кое-что у него здесь осталось, и, поверьте, это кое-что он терять не захочет.

– Как знать, – хмыкнул Подгорный, – возможно, обострение отношений Фролова и Тукая может быть выгодно кому-то третьему. Вы об этом не думали?

Костик озадаченно молчал.

– Передайте Петру Михайловичу, что в настоящее время я не готов публиковать данный материал. Если он так хочет его обнародовать, пусть отправит вас к Шлеменко и выложит его в Интернете. Есть куча сайтов и людей, которые это с радостью сделают. Но без меня.

– Вот даже как. – Костик встал и вновь раскрыл свой кейс. – Петр Михайлович будет разочарован. Очень разочарован.

– Ничего, – отозвался Подгорный, – у нас вся страна такая. Разочарованная.

Лимузин уныло полз в городском потоке. Хотя было уже почти восемь вечера, тысячи людей еще только пытались вернуться домой после изнурительного летнего вторника. До пят-

ницы было еще далеко, и от этого дымящие выхлопными газами вечерние пробки выглядели особенно уныло.

Макс, зарывшийся в свой смартфон, не обращал внимания на то, что происходит за пределами автомобиля. Дети, которые после развода с Мариной остались у матери, прислали ему очередную порцию фотографий. В воскресенье они ходили в батутный парк, и теперь с экрана на Макса смотрели счастливые, улыбающиеся лица его сыновей. Мальчишки, взлетевшие в воздух, старались принять самые необычные позы и состроить гримасы посмешнее, прежде чем вновь устремиться вниз, к батутной сетке. Фотографии, скорее всего, делала Марина. Ее самой на снимках не было, но Макс отчетливо представил ее лицо, как она любит себя своими уже такими повзрослевшими сыновьями, как радостно машет им рукой и кричит: «А теперь подпрыгнули выше и замерли, я снимаю!» Картинка, появившаяся в голове Подгорного, была столь отчетлива, словно он смотрел фильм в очках виртуальной реальности. Неожиданно рядом с его уже бывшей женой появилась крупная мужская фигура. Кто это, Макс было непонятно, мужчина находился к нему спиной. Он подошел к Марине и положил руку ей на бедро. Марина повернула к нему голову, но вместо того, чтобы возмутиться и оттолкнуть, вдруг засмеялась и тоже обняла этого человека.

Макс с силой зажмурился и открыл глаза. Странное видение ушло, оставив после себя след в виде ноющей головной боли где-то в затылке. Подгорный набрал несколько восторженных смайликов и отправил их сыновьям. «Классные фото! Классные вы!» – отправил он второе сообщение. Пальцы сами собой быстро набили еще два слова. «Привет маме». Макс замер, задумавшись, а потом удалил неотправленное сообщение.

– Ну и чего этим умникам от нас надо? – возмущенный голос водителя Подгорного, Андрея, отвлек Макса от возни с телефоном.

– Это вояки, военная автоинспекция, – буркнул сидевший рядом с водителем Олег, охранник, – по идее, им до нас вообще дела нет никакого.

– Военная полиция, старший лейтенант Смотров, – громогласно отрапортовал подошедший к машине офицер, – предъявите, пожалуйста, ваши документы.

– Война началась или случилось чего? – любопытствовал Андрей.

– А это по итогам проверки документов решать будем, – ухмыльнулся полицейский, – документы пассажиров тоже давайте. Есть кто на заднем ряду?

Понимая, что пререкаться бессмысленно, Макс опустил стекло и протянул лейтенанту паспорт, охранник последовал его примеру. Полицейский забрал документы и, буркнув себе под нос неразборчивое: «Ждите», неторопливо удалился к своей машине. Два бойца в бронежилетах, вооруженные автоматами, остались стоять перед машиной. После того как в томительном ожидании прошло уже десять минут, охранник попытался было выйти из автомобиля, чтобы узнать, когда наконец можно будет ехать, однако автоматчики не позволили ему этого сделать.

– Судя по всему, они кого-то ждут, – Олег обернулся к Максиму, – но раз нас не трогают, то этот кто-то с нами хочет поговорить. Точнее, с вами, Максим Сергеевич.

– Я даже догадываюсь, кто, – отозвался Подгорный, – живого министра видели?

Однако министра ни Андрею, ни Олегу увидеть не удалось. Темные стекла плавно подъехавшего «ауруса» надежно скрывали от посторонних глаз своего высокопоставленного пассажира. Из двух внедорожников сопровождения выскочили сразу несколько охранников. Задняя дверь «ауруса» распахнулась, и из лимузина вышел молодой человек в строгом черном костюме. Он подошел к «мерседесу» Подгорного и постучал по стеклу задней двери. Макс опустил стекло.

– Если есть оружие, телефоны, любая электроника и металлические предметы – все оставляем здесь, – молодой человек говорил негромким, но хорошо поставленным голосом человека, олицетворяющего власть, – часы тоже снимите и выйдите из машины.

Макс молча выгреб из карманов все, что могло насторожить охранников министра. Снял с руки часы, затем вытянул из брюк ремень. Затем вышел из машины. Подскочивший телохранитель быстро проверил его ручным металлодетектором и удовлетворенно кивнул.

– Прошу в машину. – Молодой человек кивнул на «аурус».

Подгорный глубоко вздохнул и под пристальными взглядами охранников направился к лимузину.

– Максим Сергеевич, – окликнул его молодой человек, – не забывайте о том, с кем вы будете разговаривать. В зависимости от итогов разговора будет приниматься решение, поедете ли вы дальше или, – молодой человек выдержал театральную паузу, – вас переместят в другом направлении.

Один из охранников распахнул заднюю дверь лимузина. Макс сел в машину и увидел совсем рядом с собой человека, которого прошлый раз лицезрел на экране телевизора командующим парадом на Красной площади.

Тукай был мрачен. Тяжелая складка, подымающаяся от самых бровей, пересекала его высокий лоб, губы были плотно сжаты, а тяжелый квадратный подбородок непрерывно двигался, словно министр жевал жвачку.

– Здравствуйте. Алексей Маратович. – Макс решился первым нарушить затянувшееся молчание.

– В Исландии вы встречались со Шлеменко, – пренебрег хорошими манерами министр, – и получили от него некоторые документы. Что это?

– С чего вы взяли, что я встречался...

– А с кем вы там встречались, с троллями? – Лицо Тукая стало еще более насупленным. – Там больше никого нет. От сопровождения вы ушли, но Исландия слишком маленькая страна и не составило большого труда сопоставить ваш внезапный вояж и нахождение яхты Шлеменко поблизости от Исландского берега. Вам не стоит считать себя слишком умным и слишком глупыми меня и моих людей. Я внятно излагаю?

– Предельно. – Макс почувствовал, что во рту у него пересохло.

– Тогда повторяю вопрос: что это за материалы? Я хотел бы с ними ознакомиться.

– К сожалению, это невозможно. – Макс выдержал тяжелый взгляд министра, и неожиданно от этого ему стало легче. – Носителя как такового у меня нет. Информация находится в Сети. Но доступ к ней есть только с определенного ИП-адреса, который закреплен за редакцией медиахолдинга. Вы будете брать редакцию штурмом?

Тукай промолчал, но его зло блеснувшие глаза говорили о том, что идея штурма ему очень близка, однако в нынешней ситуации невыполнима.

– Это африканское досье? – наконец спросил министр.

Макс кивнул.

– Я так и думал, – Тукай криво усмехнулся, – больше ничего не могло и быть. Этот материал не должен быть опубликован. Уясните себе это прямо сейчас. Потом будет поздно. Сейчас у нас с Фроловым идет предвыборная борьба. Если пойдет в ход этот материал, это будет уже война. И вы в ней будете первой жертвой.

Макс понимал, что угроза, озвученная Тукаем, вовсе не иносказательный оборот речи, и что он, словно выскочившая вперед пешка, будет мгновенно сметен с поля ответным ходом противника.

– Но вы же понимаете, если я откажусь сегодня, завтра это сделает кто-то другой. В конце концов, это может сделать сам Шлеменко и даже сам Фролов.

– Шлеменко не сделает, – неожиданно усмехнулся министр, – с ним связались, и он уже понял, что влез туда, куда ему соваться не стоило. Вы должны уничтожить материал. На все вам сутки. Запомните, Максим, – Тукай впервые назвал Подгорного по имени, – эту войну вы не переживете. Вы же знаете, как легко люди умирают?

– Я знаю, – Макс почувствовал нарастающую злобу, – я могу идти?

– Идите. – Тукай отвернулся и больше на Подгорного не смотрел.

Как только Макс открыл дверь лимузина, помощник министра наклонился ему навстречу, уточнил у Тукая: «Отпустить?» – и, услышав короткое: «Да», махнул рукой лейтенанту. Тот все так же неторопливо подошел к «мерседесу» и вернул водителю все три комплекта документов.

Когда Макс вернулся в свою машину, уже давно работавший у него Андрей осмелился задать вопрос:

– Чего хотели-то, шеф?

– Познакомиться, – хмуро буркнул Подгорный, распахивая по карманам все вынутое перед разговором с Тукаем, – поехали, пока они еще чего не захотели.

– Ох, Максим Сергеевич, эти ведь, если захотят, завсегда догонят, – вздохнул Андрей и включил поворотник. Машина плавно влилась в начинающий редеть поток транспорта.

* * *

Оказавшись наконец дома, Подгорный быстрым шагом прошел на кухню и извлек из барного шкафа бутылку виски. Выпить ему хотелось еще по дороге домой, и он еле сдержался, чтобы не приказать водителю заехать в первый попавшийся супермаркет.

Плеснув в бокал изрядное количество виски, Макс сделал большой глоток и, сморщившись, зажмурился. Потом с шумом выдохнул воздух. Разговор с Тукаем настолько выбил его из колеи, что он даже забыл заказать себе на дом доставку еды, что делал почти каждый вечер. Конечно, можно было позвонить в располагавшийся прямо на въезде в поселок ресторан, но тогда ждать пришлось бы не меньше часа. Макс открыл дверцу холодильника и, грустно вздохнув, закрыл ее снова. Попытка заглянуть в морозильную камеру оказалась более успешна.

Уже через пятнадцать минут Подгорный, предварительно включив подсветку в саду, с комфортом расположился на террасе своего дома. Бокал с виски приятно охлаждал руку раздобытыми в морозильнике кубиками льда. В другой руке Макс задумчиво крутил телефон. Еще утром он был категорически настроен на то, что не будет публиковать имеющийся у него компромат на Тукая, однако последовавший затем неприятный разговор с министром обороны пробудил в Максе его и без того не крепко спящий дух противоречия. «Вы же знаете, как легко люди умирают?» Да, после того, как отец Макса был застрелен у него на глазах, после того, как погибла Наташа, Подгорный знал, как легко умирают люди. Слишком хорошо знал. Но отчего-то это знание сейчас совсем его не страшило. Конечно, может быть, дело в виски, и завтра он пожалеет о своем решении. Макс пожал плечами, словно не мог ответить самому себе. Еще один глоток виски помог принять решение. Макс набрал номер Фролова.

– Сейчас мы Петра Михайловича удивим, – Макс даже встал в предвкушении приятного разговора, – сейчас Петра Михайловича обрадуем.

Однако Петр Михайлович трубку не взял. Макс, чертыхнувшись, отправил повторный вызов, но Фролов опять не ответил. Подгорный раздраженно бросил телефон на стол и услышал негромкий голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.